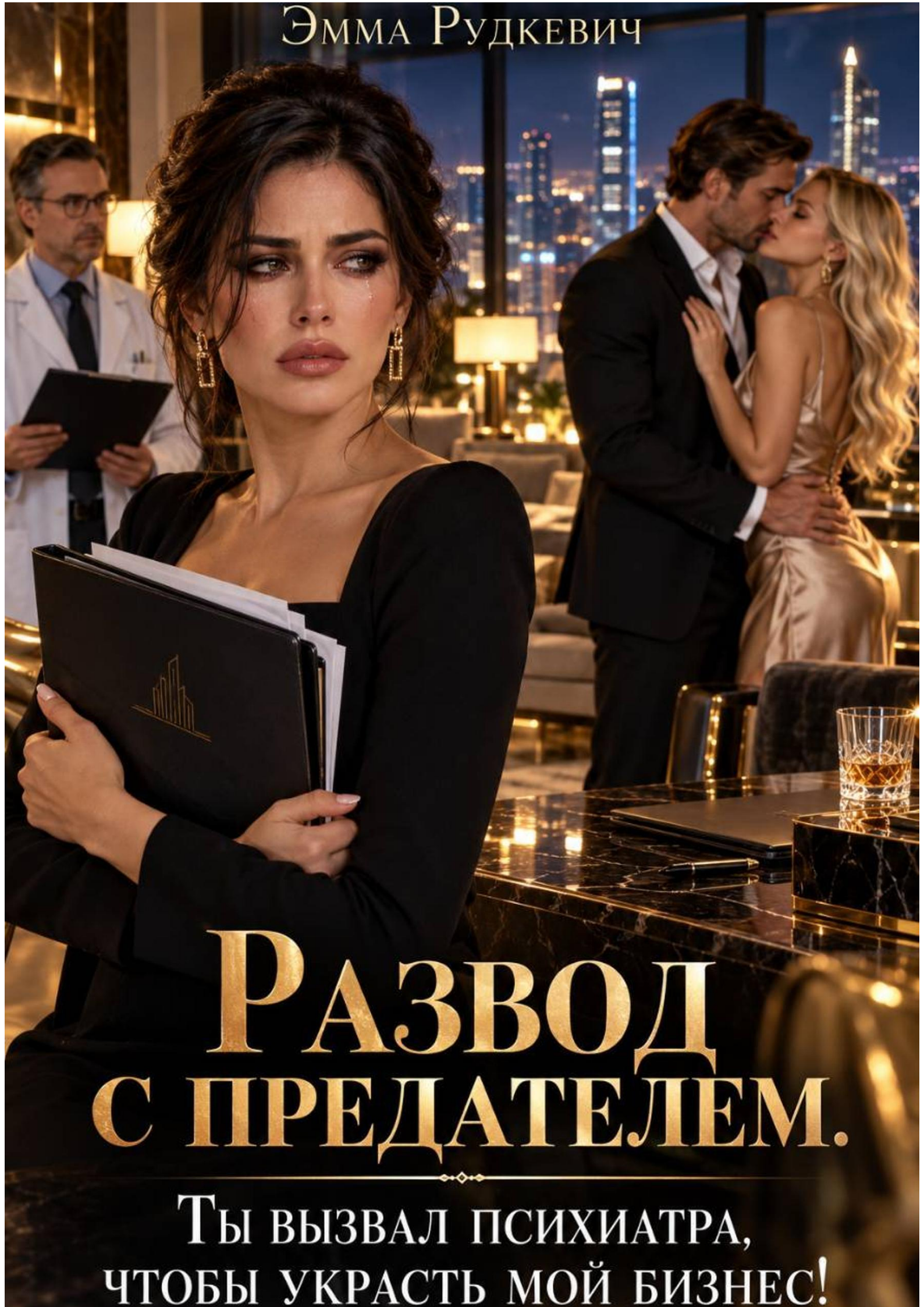

ЭММА РУДКЕВИЧ

The poster features a woman in the foreground, looking distressed with a tear on her cheek, holding a black folder with a gold logo. In the background, a man in a white lab coat holds a clipboard, and a couple in formal wear kisses. The setting is a modern interior with a city skyline at night visible through large windows.

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.

ТЫ ВЫЗВАЛ ПСИХИАТРА,
ЧТОБЫ УКРАСТЬ МОЙ БИЗНЕС!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем.
Ты вызвал психиатра,
чтобы украсть мой бизнес!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Ты вызвал психиатра, чтобы украсть мой бизнес! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я готовила ужин, когда банк прислал уведомление. С моего счёта исчезли пятьсот тысяч рублей! А в телефоне мужа я обнаружила переписку с молодой стажёркой. «Главное — сломать ей голову». Григорий назвал меня параноичкой. Заблокировал счета, лишил работы и убедил окружающих, что я схожу с ума. Но настоящая катастрофа случилась ночью. Муж привёл домой врача и охранников. Меня силой удерживали на полу и сделали укол! Он хотел признать меня недееспособной, забрать квартиру и присвоить долю в бизнесе. Только муж забыл одну вещь. Я профессиональный руководитель проектов. И умею находить ошибки даже в идеально подготовленном плане. Теперь я разрушу его систему изнутри.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Ты вызвал психиатра, чтобы украсть мой бизнес!

Глава 1

Лаванда из диффузора перебивала запах средства для стекла. До прихода Григория к столу оставалось протереть два бокала. Я стояла у кухонной стойки из мрамора, который мы выбрали вместе два года назад, и методично протирала бокалы для красного вина. Бокалы позвякивали, когда я ставила их рядом. Хотелось хотя бы ужин устроить без рабочих звонков. Так было всегда: я контролировала процессы, он строил связи. Наш брак был не романом, а успешным стартапом с идеальными метриками.

Телефон завибрировал на столешнице. Экран вспыхнул белым светом уведомления от банка.

«Списание 500 000 руб. Получатель: Финтех-Глобал. Остаток: -482 130 руб.»

Я замерла. Рука с тряпкой повисла в воздухе. Цифры прыгали перед глазами, но мозг отказывался их складывать. Пятьсот тысяч. С моего личного счета, который я держала отдельно от семейного бюджета, как подушку безопасности. Там никогда не бывало таких сумм. Там вообще редко бывало больше ста тысяч. Может, кто-то подключил овердрафт, а я пропустила уведомление? Или это ошибка. Глюк эквайринга. Двойное списание при оплате подписки на облако?

— Идиотизм, — прошептала я себе под нос, пытаюсь улыбнуться. Но улыбка вышла кривой.

Пальцы сами потянулись к телефону. Я открыла приложение банка. Интерфейс привычно мигнул, загрузив историю операций. Нет, это не двойное списание. Одна транзакция. Точное время: 19:42. Минуту назад. Адресат: компания-конкурент Григория по рынку HR-аудита.

Холодок пробежал по позвоночнику, заставляя вздрогнуть. Я знала этот адрес. Мы обсуждали его вчера за ужином. Григорий говорил, что «Финтех-Глобал» пытается переманить их ключевых клиентов, используя серые схемы. Я считала это абстрактной бизнес-угрозой. Теперь на экране был минус, которого я не могла покрыть даже всей следующей зарплатой.

Я быстро переключилась на корпоративный аккаунт компании, где у нас с Григорием был общий доступ к управленческим картам. Если это внутренняя ошибка или несанкционированный перевод от одного подразделения другому, там должно быть отражение. Компенсация. Возврат средств. Что угодно, объясняющее дыру в пятьсот штук.

Экран загрузки крутился бесконечно долго. Серверы висели? Или я просто боялась нажать кнопку? Нажала.

История операций Григория была чистой. Идеальной. Ни одного подозрительного движения за последние сутки. Только стандартные платежи поставщикам и зарплата сотрудникам. Ни тени ошибки, ни намек на возврат. Деньги ушли в пустоту. В бездну, где их нельзя было найти, если только ты сам не положил туда руку.

Звонок в дверь разорвал тишину так резко, что я ойкнула. На часах было 19:55. Кто может быть курьером в такое время? Мы заказывали еду раз в неделю, и то обычно пиццу.

Я подошла к домофону, посмотрела в камеру. Молодой парень в желтой куртке держал в руках коробку из плотного картона с логотипом элитного ликеро-водочного завода.

— Открыто! — крикнула я в динамик, чувствуя легкое раздражение. Опять эти сюрпризы Григория. Он обожал дарить мне алкоголь, хотя я предпочитала вино. Обычно он делал это красиво, с букетом. Без букета — это уже странно.

Дверь открылась, и курьер протянул мне посылку.

— Для господина Волкова, — сказал он, сверяясь с телефоном. — Подпись требуется.

Я взяла тяжелую коробку, даже не глядя на имя получателя, и расписалась на планшете курьера. Тот убежал, хлопнув дверью подъезда. Я вернулась на кухню, поставила коробку на остров. Ленты не было. Просто картонная коробка, перевязанная джутовой нитью. На верхней грани наклейка со штрих-кодом и текстом: «Заказ №774-А. Получатель: Елена С.».

Елена.

Имя кольнуло, как заноза. Елена — стажерка Григория. Та самая девочка с огромными глазами и слишком короткими юбками, которая вечно путалась под ногами на корпоративах. Почему ей доставляют виски на наш адрес? Почему заказ оформлен на её имя, но приходит к нам домой?

Рациональность трещала по швам. Нужно было дождаться, пока Григорий выйдет из ванной, и спросить его. Но вместо этого я почувствовала, как внутри что-то щелкнуло. Переключился режим. Из «жена, проверяющая банковскую выписку» я превратилась в «проектного менеджера, обнаружившего критический баг в системе безопасности».

Григорий был в ванной. Я слышала шум воды и тихое мурчание радио. Кот Барсик спал на спинке дивана, свернувшись в мягкую булку. Единственное живое существо в этом доме, которое не врало.

Я прошла в спальню. Телефон Григория лежал на ночном столике рядом с зарядкой. Экран был темным. Привычка уважать его приватность, въевшаяся в меня за семь лет брака, встала стеной. «Это нарушение границ», — привычно одернула я себя. Он доверяет тебе. А деньги?

Но цифры на моем экране горели красным. -482 130 руб.

Доверие было роскошью, которую я больше не могла позволить. Я схватила телефон. Разблокировка прошла мгновенно — Face ID узнал мое лицо. Мы настроили биометрию друг друга год назад, когда решили, что в браке нет места секретам. Тогда это казалось символом единства. Сейчас это выглядело как ловушка.

Мессенджер был открыт. Последнее сообщение от Елены, полученное десять минут назад. Фотография чека из ресторана, где они обедали вдвоем. И текст ниже:

«Клиент готов подписать все бумаги. Главное — сломать ей голову. Как договорились?»

Я перечитала это три раза. Под «клиентом» мог скрываться «Финтех-Глобал». А под «ей» — я. Или кто-то другой. Но зачем тогда эти деньги с моего счета? «Сломать голову» — это не метафора о ревности. Это техническое задание. Инструктаж. Они планировали сделать меня невменяемой, чтобы я не увидела, как они выводят активы. Или чтобы я сама подписалась под сделкой, находясь в истерике.

Это не измена сердцем. Это продажа жены конкурентам ради повышения должности. Может, Елена была ему нужна вовсе не для постели. Может, я искала любовницу, пока он распоряжался моими деньгами. От этой мысли хотелось немедленно проверить все счета.

Шум воды в ванной прекратился. Дверь открылась, выпуская пар и запах геля для душа с нотами сандала. Григорий вышел, завернутый в полотенце. Его кожа была розовой от жара, волосы мокрыми и гладкими. Он выглядел расслабленным, довольным собой. Идеальный партнер. Идеальный муж.

Он увидел меня с его телефоном в руке. Не удивился. Не испугался. На его губах появилась фирменная, обезоруживающая улыбка, от которой у женщин таяли сердца и контракты.

— Что-то случилось, зай? — спросил он мягко, подходя ближе. Его голос был бархатным, успокаивающим.

Я смотрела на него, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Он знал. Он знал, что я буду проверять. Он оставил мне возможность разблокировать телефон. Возможно, хотел, чтобы я увидела именно это. Или хотел убедиться, что я вижу достаточно, чтобы начать паниковать, но недостаточно, чтобы понять масштаб кражи.

— Пятьсот тысяч, — сказала я хрипло. Мой собственный голос показался мне чужим. — С моего счета. На «Финтех-Глобал».

Григорий остановился в шаге от меня. Взгляд скользнул по экрану телефона, затем поднялся к моему лицу. В его глазах не было вины. Был расчет. Холодный, просчитанный анализ ситуации.

— Алинка, детка, — он протянул руку, чтобы забрать телефон, но я отшатнулась. — Это техническая ошибка эквайринга. Ты же знаешь, как иногда зависают платежные системы. Я уже написал в поддержку. Вернут через час с процентами.

— Елена? — спросила я, игнорируя его попытку коснуться меня. — Курьер принес ей виски. Она пишет тебе: «Главное — сломать ей голову».

Григорий вздохнул. Тяжело, театрально, как человек, которому приходится объяснять элементарные вещи ребенку.

— Леночка помогает мне с презентацией для совета директоров. У неё стресс, она нервничает, заказывает выпивку. А фраза... это рабочий сленг. «Сломать голову» — значит, убедить клиента, доказать правоту. Ты преувеличиваешь, любимая. Ты в последнее время такая параноидальная. Может, стоит пересмотреть график сна?

Глава 2

Он начал протирать зеркало на туалетном столике. Движения были плавными, уверенными. Манипуляция высшего уровня. Газлайтинг. Он называл мою интуицию паранойей, а предательство — рабочими моментами.

Я смотрела на его руки. Большие, сильные пальцы, которые раньше гладили мои волосы, теперь методично стирали следы влаги со стекла. Он не лгал в деталях. Он лгал в сути.

В голове вдруг сложилась картина. Четкая, страшная, как схема проекта после аудита.

Григорий не просто изменял. Он совершал рейдерский захват нашего общего бизнеса, используя мой счет как плацдарм, а мою репутацию — как расходный материал. Если бы я начала скандалить прямо сейчас, он бы выставил меня истеричкой перед партнерами. «Она не справляется со стрессом», «Она видит врагов везде». А пока я разбираюсь с эмоциями, он спокойно выведет оставшиеся активы через цепочку подставных лиц, включая эту «стажерку».

Он продал меня. Не тело. Доверие. Контроль. Мою личность.

— Ты думаешь, я дура? — спросила я тихо.

Григорий обернулся. Его улыбка исчезла. На ее месте появилось выражение скуки и легкого презрения.

— Я думаю, что тебе нужно отдохнуть, Алина. Ты переутомилась проектами. Отдай телефон.

Он сделал шаг вперед, протягивая руку. В его жесте было столько уверенности в том, что я послушаюсь, что меня затопило. Он считал меня управляемым ресурсом. Файлом, который можно закрыть или открыть по своему усмотрению.

Я посмотрела на экран своего телефона, лежащего на столе. Уведомление о списании всё ещё горело красным пятном. Пинкод знала только я. И он. Значит, меня взломали не снаружи. Меня сдали изнутри.

— Нет, — сказала я, отступая назад. — Я не отдаю телефон.

Григорий замер. Его глаза сузились. Впервые за вечер в них мелькнуло что-то настоящее. Не гнев. Опасение.

— Алина, не играй в эти игры. Это неприлично.

— Неприлично — это продавать жену конкурентам за повышение в должности, — произнесла я, и слова упали в комнату, как камни в колодец. Тишина после них была оглушающей.

Григорий медленно выпрямился. Полотенце ослабло на бедрах, но он даже не заметил. Его поза изменилась. Расслабленный муж сменился хищником, загнанным в угол.

— Ты ошибаешься, — сказал он ровно, без улыбки и нежности. — Но если ты хочешь разрушить всё из-за одной фразы в переписке... пожалуйста. Совет завтра в десять утра. Если ты не придешь и не извинишься перед Леночкой за то, что обвинила сотрудника в краже данных, я буду вынужден защищать компанию. Тебя тоже.

Он говорил о защите компании, но подошел так близко, что я уперлась спиной в туалетный столик. Пришлось обойти его, чтобы не оказаться между ним и стеной.

— Ты будешь молчать, — добавил он. — Потому что без меня ты никто. Ни менеджер, ни жена. Просто женщина с истерикой и минусом на счете.

Барсик мякнул с дивана, требуя внимания. Звук был таким обыденным, таким живым, что контраст с ледяным холодом слов Григория стал физически ощутимым.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была единственным доказательством того, что я здесь. Что я существую. Что он не стер меня полностью.

— Посмотрим, кто будет молчать, — ответила я.

Григорий усмехнулся. Коротко, сухо.

— Ты всегда недооценивала мои возможности, зай.

Он повернулся и пошел в ванную, хлопнув дверью. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Я осталась посреди спальни, окруженная запахом лаванды и страха. Телефон в руке дрожал. Не от холода. От ярости, которая поднималась откуда-то из глубины живота, черная и вязкая, как нефть.

Он думал, что запугал меня. Что я побегу к психологу или заплачу ему в ноги. Он не знал главного правила управления проектами: когда система дает сбой, ты не молишься о пощаде. Ты находишь уязвимость и эксплуатируешь её.

Личный счет ушел в минус. Рабочие документы оставались в офисе. Кому позвонить в этот час, я пока не знала.

Но у меня был его телефон. И знание того, что он использует Елену.

А Елена — человек. А люди ломаются. Особенно те, кого используют как расходный материал.

Я открыла браузер и набрала в поисковой строке: «Частный кибербезопасник бывший следователь экономические преступления Москва отзывы».

Палец завис над кнопкой «Поиск». Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках. Шаг за порог безопасного мира, в мир, где тебя могут уничтожить юридически и финансово, был необратим.

Но назад дороги не было. Григорий уже переступил черту, продав меня за пятьсот тысяч рублей.

Завтра он ждал извинений перед Еленой. Я хотела прийти с ответом на другой вопрос: кто распорядился моими деньгами.

Я нажала «Enter».

Когда Григорий вернулся из ванной, я уже ждала его в гостиной. Его телефон лежал на столике: нужную переписку я успела сфотографировать своим. Я стояла посреди комнаты, сжимая в руках свой телефон так, что костяшки пальцев побелели, и смотрела на Григория. Он сидел на диване, раскинувшись в той расслабленной позе человека, который уверен: мир крутится вокруг его удобного стула. Его лицо было спокойным, почти скучающим. Это спокойствие бесило меня больше, чем крик.

— Разблокируй, — потребовала я. Голос дрогнул, но я заставила себя не отводить взгляд. — Мне нужно видеть журнал звонков. И сообщения. Прямо сейчас.

Григорий вздохнул. Тяжело, театрально, будто я просила его переставить рояль через весь город пешком.

— Алина, ты опять за старое? Паранойя — это не черта характера, это диагноз. Мы обсуждали доверие. В браке оно должно быть абсолютным, а не основанным на слежке за телефоном.

Он демонстративно потянулся к столу, взял свой смартфон и медленно, с наслаждением наблюдателя, положил его в выдвижной ящик комода, где хранились ключи и документы. Ключ провернулся; Григорий спрятал его в карман.

— Там нет ничего интересного для тебя. Только рабочие чаты. Ты просто устала. Тебе нужно успокоительное, а не детектив в собственной спальне.

Я молчала, чтобы не сорваться на крик. Доверие — прекрасно. Но откуда на моем счете минус, он так и не объяснил. На работе я никогда не закрыла бы такую сверку словом «доверие». Он прятал не измену. Он прятал что-то худшее.

Пока Григорий пошел на кухню «налить воды», я метнулась к его рабочему ноутбуку. Тот лежал на журнальном столике, закрытый. Руки предательски дрожали, когда я открыла крышку. Экран вспыхнул синим светом, требуя пароль.

Палец завис над клавиатурой. Старый резервный код. Мы делили его для совместных проектов три года назад. Простой набор символов, который я никогда не забывала. Я быстро набрала комбинацию.

Access Denied.

Экран мигнул красным. Новый пароль. Рядом значок входа по отпечатку. Черт возьми, он сменил всё. Я чувствовала себя взломщиком в собственном доме, нарушающим границы чужого мира. Пот проступил на лбу. Я не имела права здесь находиться, но не могла остановиться. Каждый отказ системы ощущался как физическая пощечина.

Вернулся Григорий. стакан воды в руке. Он увидел меня у ноутбука и замер. Не удивился. Улыбнулся. Одними уголками рта.

— Значит, ты все-таки решила сыграть в шпионов?

— Дай мне телефон, Гриша. Просто дай.

— Нет.

Григорий открыл ящик и достал смартфон: за дверцей несколько раз завибрировало. Экран засветился в его ладони. Я видела только верхнюю часть дисплея, но этого хватило. Мессенджер. Контакт «Elena HR».

Григорий поставил стакан на стол и резко шагнул ко мне.

— Отойди от него.

— Ты боишься, что я увижу имя Елены?

— Я боюсь, что ты уничтожишь репутацию компании своим истерическим поведением!

Глава 3

Я потянулась к телефону, но он дернул его к груди и оттолкнул мое запястье. Грубо, с силой. Боль пронзила запястье.

— Ты пытаешься украсть данные клиента! — зашипел он, прижимая трубку к груди. — Знаешь, за это можно сесть? За корпоративный шантаж и несанкционированный доступ? Ты ведешь себя как преступница, Алина.

Скандал нарастал, заполняя собой пространство, давя на уши. Крики, обвинения, стук сердца в висках. Григорий ходил взад-вперед, жестикулируя свободной рукой, демонстрируя презрение. Он чувствовал себя хозяином положения, потому что у него была информация, а у меня — только эмоции.

— Хочешь посмотреть? Пожалуйста! — вдруг бросил он телефон на стол с глухим стуком. — Только потом не плачь, когда поймешь, какая ты мелочная и жалкая.

Это был вызов. Или ловушка. Мне было плевать. Я схватила аппарат. Пальцы скользили по экрану, но я уже знала, куда смотреть. Уведомления были свернуты, но история сообщений открывалась легко. Я листала вверх, минуя пустые строки и стандартные рабочие приветствия. Искала фото. Искала страсть. Искала доказательство того, что он любил другую, чтобы иметь право уйти красиво, со слезами и гордостью.

Но вместо постельных сцен или жарких признаний я увидела сухую деловую переписку. Шрифт был мелким, серым, бездушным.

Elena HR: Клиент готов подписать все бумаги. Главное — сломать ей голову.

Grigory: Она уже нервничает. Давление работает. Банковский алгоритм должен сработать сегодня вечером.

Elena HR: Финансовый поток перенаправлен через её карту. Она даже не заметит разницы в балансе, пока не станет поздно.

Мир качнулся. Фотографический негатив реальности перевернулся. Я ожидала увидеть любовницу в шелках. Я увидела бизнес-план по уничтожению моей личности. Холодный расчет. Точность хирурга. Они использовали мои нервы, мою тревогу, мою веру в него как топливо для махинаций. Это не измена сердцем. Это продажа жены конкурентам ради повышения должности. Ради того, чтобы Григорий выглядел эффективным директором, способным «подвинуть» амбициозную жену-менеджера, мешавшую крупной сделке.

— Что это? — мой голос звучал чужим, скрипучим.

Григорий не смутился. Он подошел ближе, посмотрев на экран поверх моего плеча. Его дыхание пахло мятой и дорогим кофе.

— Часть сложного переговорного процесса, Алина. Специфика IT-финтеха. Инвесторам нужна драма. Им нужно видеть, как один партнер «слабее» другого. Ты играешь роль слабой стороны. Это твоя работа в этом проекте.

— Моя работа?!

— Да. Ты должна была сохранить лицо перед партнерами, а не показывать свою нестабильность. Но ты выбрала путь агрессии. Теперь виновата ты. Потому что ты не смогла контролировать свои эмоции в нужный момент.

Он переворачивал ситуацию с легкостью фокусника. Жертва становилась обвиняемой. Предательство называлось «стратегией». Я чувствовала тошноту. От его цинизма, от его спокойствия. Он не любил Елену. Он использовал её так же, как использовал меня. Инструменты. Расходные материалы.

Я продолжала листать, надеясь найти хоть одну личную ноту. Хоть одно «скучаю», хоть одно сердечко. Чтобы вернуть себе право ненавидеть его как обычного мужика-бабника. С

сердечком в переписке я хотя бы знала бы, о чем с ним говорить. Здесь хотелось задать десять вопросов сразу — и не упустить ни одного ответа.

И тут я увидела черновик письма. Сохраненный прошлой ночью, в 3:14.

Кому: Elena HR

Тема: Финальный аккорд

«Убедись, что она увидит уведомление о списании именно в этот момент. Пинкод тот же, что у нас был на даче в 2019-м. Не ошибись. После этого она будет полностью дезориентирована. Юридически мы чисты.»

Дача в 2019-м. Наш отпуск перед свадьбой. Домик у леса, где мы потеряли ключи и смеялись до колик. Где я впервые почувствовала, что жизнь безопасна. Пинкод. Мой пинкод. Который знал только он. И теперь знала Елена.

Они знали обо мне больше, чем я сама. Мои привычки, мои пароли, мои реакции на стресс. Всё было сведено в таблицу Excel для удобства эксплуатации.

Елена знала мои личные данные лучше, чем муж. Муж продал их третьей стороне, чтобы получить контроль над активами.

— Ты спал с ней? — спросила я тихо. Вопрос повис в воздухе, бессмысленный и нелепый после всего увиденного.

Григорий рассмеялся. Коротко, сухо.

— Алина, ты мыслишь категориями дешевых сериалов. Елена — мой инструмент. Я использовал её амбиции, её желание стать начальницей отдела, чтобы она сделала грязную работу. Между нами ничего нет, кроме контракта и страха потерять карьеру. Ты ревнуешь к бумагам? К цифрам в отчете?

Это разрушило последний осколок моей картины мира. Спал он с ней или нет, я по-прежнему не знала. Зато прочитала, как он передавал ей мой пинкод. Этого он даже не пытался отрицать. Он считал меня глупой овцой, которую можно вести на бойню под видом прогулки.

Я посмотрела на него. На его идеальную рубашку, на дорогие часы, на глаза, в которых не было ни капли стыда. Только расчет.

— Ты думаешь, я поверю?

— Тебе не остается выбора, Алина. Либо ты принимаешь правила игры, либо вылетаешь из бизнеса и жизни.

Я не ответила. Медленно положила телефон на стол. Экран погас, оставив после себя темное пятно отражения моего лица. Лицо женщины, которая только что узнала, что её брак — это фиктивная компания, где она числится номинальным директором, а настоящий владелец давно вывел активы.

Я достала свой телефон. Приложения банка все еще висели в фоне. Красные цифры минусов. Балансы, которые таяли прямо на глазах, словно снег под весенним солнцем. Пока я искала любовь, проверяла запах духов на воротниках и подозревала измену, они продавали меня по частям. Мою кредитную историю. Мои накопления. Мою репутацию.

И покупатель уже внес аванс.

Я подняла голову и посмотрела на Григория. Он поднял со стола стакан и допил воду. Спокойный. Уверенный. Как человек, который знает, что судья уже на его стороне.

Но я больше не была истеричкой. Внутри, среди руин иллюзий, просыпалось что-то новое. Нужно было сохранить письмо, пока Григорий не отобрал телефон снова. Дата, адресат, текст — ничего не обрезать на снимке.

За окном начинался дождь. Капли барабанили по стеклу. Пока он отвернулся к раковине, я сняла экран своим телефоном. На этот раз полностью, вместе с датой.

К ночи я распечатала выписки и снова подошла к Григорию на кухне. Чувствовала, как внутри меня что-то тихо лопается. Не хотелось больше показывать ему эти листы. Хотелось, чтобы он сам заметил суммы и хоть раз испугался за меня. Воздух был густым, вязким, пах

остывшим кофе и дорогим парфюмом Григория — «Ароматом успеха», который он покупал себе на годовщину. Сейчас этот запах вызывал тошноту.

Григорий сидел за столом, спиной ко мне. Его плечи были расслаблены, пальцы механически отмеряли дозы чая из жестяной банки. Звук сыпущихся листьев был оглушительным в этой тишине.

— Объясни мне, — мой голос дрогнул, и я ненавидела себя за эту дрожь. Я Senior Project Manager, я держала команды в ежовых рукавицах, но перед этим человеком я снова становилась той Алиной, которая боялась сделать шаг неверно. — Почему списания шли на счета, указанные в переписке с Еленой? И почему в твоём телефоне написано: «Клиент готов подписать все бумаги. Главное — сломать ей голову»?

Он не повернулся. Только вздохнул — коротко, устало, как человек, которому надоело объяснять очевидное ребенку.

— Алина, ты опять? — Григорий наконец поднял глаза. В них не было вины. Там было холодное, скучающее презрение. — Это рабочий чат. Метафоры. Юмор. Ты же знаешь, как мы общаемся в HR-департаменте. Тебе нужно пить успокоительное, а не устраивать допросы по ночам.

— Это не юмор! Это угроза! — я шагнула ближе, ударив ладонями по столу. Чашка звякнула о блюдец. — Она знает пинкод! Мой старый пинкод, который мы использовали еще до свадьбы! Откуда у стажерки доступ к моим личным данным?

Глава 4

Григорий спокойно долил кипяток. Пар клубился над его головой, будто и сейчас он мог спрятаться за паром от чашки.

— Потому что ты сама всё забыла, Лина. Выгорание делает людей невнимательными. Ты путаешь рабочие контакты с личной жизнью. Ты истеричка, которая пытается найти врагов там, где их нет, только чтобы оправдать свою профессиональную несостоятельность.

Слово «истеричка» осело в желудке тяжелым камнем. Он использовал против меня мой же страх. Страх быть слабой. Быть той, кто теряет контроль.

— Посмотри на меня, — прошипела я. — Посмотри мне в глаза и скажи, что это неправда.

Он посмотрел. Но взгляд его скользнул мимо моего лица, зацепившись за мои растрепанные волосы, за пятно от чернил на моей блузке. Брезгливость. Она была видна даже без слов.

Я протянула руку, схватив его за рукав рубашки. Ткань была гладкой, дорогой. Мне нужно было физическое подтверждение, что он здесь, что он реален, что я не сумасшедшая.

Григорий резко одернул руку. Так, будто я коснулась чего-то грязного, заразного. Он медленно вытер место касания салфеткой, глядя на ткань с выражением глубокого отвращения.

— Не трогай меня, когда ты в таком состоянии, — произнес он тихо. — Я доверяю тебе только пока ты в здравом уме. А сейчас... ты просто пугаешь.

Этот жест унижал сильнее удара. Он не бил. Он вытирал меня. Как крошки со стола.

— Ты предал нас, — сказала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Ради должности? Ради повышения статуса в совете директоров? Ты продал меня конкурентам через эту девочку?

Григорий усмехнулся. Сухой, короткий звук.

— Елена жаловалась, Алина. Знаешь, что она говорила? Что ты давишь на подчиненных. Что ты токсичная начальница, которая не дает людям дышать. Она жертва твоего стиля управления, а не моя любовница. Я всего лишь пытаюсь помочь ей адаптироваться, пока ты занимаешься своими параноидальными фантазиями.

Мир качнулся. Он переворачивал игру. Теперь виновата я. Моя жесткость, моя требовательность, моя работа. Он стирал свои грехи, замазывая их моей «некомпетентностью».

— Почему тогда деньги? — спросила я, стараясь говорить ровно, как на переговорах с заказчиком. — Почему транзакции шли ночью, когда я спала? Почему в её сообщениях суммы совпадают с моей выпиской?

Григорий молча открыл ящик стола. Движение было медленным, театральным. Он достал фотографию в тяжелой деревянной рамке. На снимке мы оба смеялись. Годовщина. Пять лет назад. Уютный ресторан, свечи, наши бокалы с шампанским. Мы выглядели счастливыми. Мы выглядели неразлучными.

Он поставил рамку прямо передо мной, так, что стекло почти коснулось моего носа.

— Посмотри на эти глаза, Алина. Посмотри на свою улыбку. Разве такой человек способен на мелкое воровство? Разве женщина, которая так смотрит на мужа, может быть обманута грубыми схемами? Или ты просто хочешь разрушить всё, потому что боишься потерять контроль?

Я смотрела на фото. Счастливое лицо. Доверчивые глаза. Тошнота подступила к самому горлу. Эта фотография была ложью. Я не знала, строил ли он тогда эти планы. На снимке я смеялась ему в лицо, и смотреть на себя такую сейчас было невыносимо.

Рука сама потянулась к рамке. Я хотела выбросить её. Разбить стекло. Осколки этой лжи должны были ранить меня, чтобы я почувствовала боль, настоящую, а не эту притупленную анестезию газлайтинга.

Но Григорий перехватил мою руку.

Его пальцы сомкнулись на моем запястье. Сила была неожиданной, звериной. Под его пальцами заныло запястье. Боль пронзила руку, отдавая в плечо.

— Если ты тронешь мои вещи еще раз, — прошептал он, склонившись близко к моему лицу. Его дыхание пахло мятной конфетой и чем-то металлическим, холодным. — Я вызову полицию по факту домашнего насилия. Ты знаешь, как быстро судьи верят красивым мужчинам в костюмах? Ты будешь выглядеть как буйная сумасшедшая, которая ломает имущество и угрожает мужу. А я буду бедной жертвой.

Я замерла. Страх сковал мышцы. Он не шутил. Он просчитывал риски. Для него я была не женой, а активом, который мог выйти из строя, или liability, которую можно было списать со счетов через юридические процедуры.

— Отпусти, — выдохнула я.

— Ты ведешь себя как преступник, Алина.

— Отпусти!

Я инстинктивно дернулась, используя прием самообороны, который изучала два года назад в фитнес-клубе. Резкий поворот корпуса, давление на большой палец, удар ребром ладони в основание его шеи.

Григорий мгновенно отпустил мою руку и отшатнулся назад, задев стул. На его лице не было злости. Было разочарование. Глубокое, трагическое разочарование человека, которого предали близкие.

— Я думал, мы партнеры, — сказал он, потирая шею. Голос его звучал надломленно, жалобно. — Но ты... ты готова применить силу. Ты готова уничтожить нас. Зачем? Чтобы доказать, что ты права? Ты уже проиграла, Алина. Ты проиграла доверие.

Он снова надевал маску обиженного героя. Снова делал меня виноватой. Даже в том, что я защищалась от захвата. Газлайтинг достиг пика, превращая мою реальность в туманную, искаженную картинку, где я — агрессор, а он — невинная жертва моей «истерии».

Я развернулась и вышла из кухни. Ноги казались ватными. Каждое движение стоило усилий. Я прошла по коридору, не чувствуя пола под ногами, и закрылась в ванной комнате. Задвинула задвижку и проверила ручку: не поддается.

Я включила воду. Сначала горячую, потом холодную. Подставила руки под струю, наблюдая, как кожа краснеет от холода. Потом плеснула водой в лицо. Смыла слезы, которые предательски текли по щекам. Смыла ощущение грязи, которое он оставил на моих руках.

Через тонкую дверь ванной я слышала его шаги. Он ходил по кухне. Медленно, размеренно. Потом голос. Мягкий, бархатный, совсем другой, чем тот, которым он говорил со мной минуту назад.

— Да, Лена... Прости, моя жена опять сорвалась. Нет, я не могу сейчас говорить, она рядом... Да, я знаю, что ты единственная, кто меня понимает.

Звук упал в тишину ванной комнаты как камень в колодец.

Я замерла с полотенцем в руках. Капли воды падали на плитку. Кап. Кап. Кап.

Он звонил ей. Прямо сейчас. После того как назвал меня истеричкой. После того как пригрозил полицией. После того как выставил меня монстром.

«Единственная, кто меня понимает».

Это не измена сердцем. Это не любовь. Это спектакль. Они играли роль жертвы и спасителя для внешнего мира, но между собой они были сообщниками. Елена знала всё. Она молчала, потому что тоже была в игре. Григорий использовал её не как возлюбленную, а как зеркало, через которое отражал собственное величие и ничтожность жены. Картина менялась. Он называл ее единственной, кто понимает, с той же интонацией, с какой только что убеждал меня успокоиться. Может, она верила ему. А может, тоже знала, где лежат деньги.

Я выключила воду. Тишина стала оглушающей.

Подошла к зеркалу. Стекло было запотевшим от пара. Я провела пальцем по поверхности, стирая туман.

И увидела надпись.

Не мою. Не случайную.

На стекле проступил номер телефона. Цифры проявились в запотевшем участке и снова исчезли, когда я стерла влагу. Несколько я узнала из переписки с Еленой; остальные запомнить не успела.

Чья-то рука была здесь раньше меня. Кто-то уже стер туман с этого зеркала.

Сердце пропустило удар. Я отступила назад, ударившись спиной о стену.

Я еще раз подышала на стекло, но весь номер восстановить не смогла. Взяла с полки резервный аппарат, сфотографировала остаток и положила его обратно: проверю потом, когда перестану слышать его голос за дверью.

Хотя бы эти цифры я сохранила.

Я посмотрела на свой телефон, лежащий на полке рядом с зубной щеткой. Это был мой старый аппарат с трещиной на экране. Основной я оставила в спальне, а этот заранее достала из ящика и включила: хотя бы резервная связь. Экран не светился. Но теперь...

Телефон завибрировал.

Одно короткое сообщение. Без текста. Просто уведомление о входящем соединении Bluetooth.

Рядом работало чужое устройство. Кто-то пытался связаться со мной — или это было обычное случайное сопряжение? По одному запросу я не могла понять.

Я взяла телефон. Пальцы больше не дрожали. Внутри меня росло что-то новое. Холодное, твердое, как сталь. Это был не страх. Это была расчетливость.

Проект «Развод» официально запускался.

Глава 5

Стеклянные двери офиса «FinTech Solutions» не открылись сами. Они зависли, будто раздумывая, пускать ли меня внутрь или лучше вызвать охрану. Я стояла на крыльце в своем пальто, которое стоило больше, чем зарплата младшего аналитика, и чувствовала себя призраком. Сквозь стекло я видела холл: белый мрамор, черные кожаные диваны, люди с ноутбуками. Люди, которые знали меня как Алину Волкову, Senior PM, человека, который держал в руках проект на три миллиарда рублей. Теперь для них я была просто истеричкой, которой приказано не переступать порог.

Я вошла через служебный вход. Запах кофе и пластика ударил в нос. Секретарша Лена, та самая, что всегда улыбалась мне до ушей, замерла за стойкой ресепшн. Её лицо стало каменным.

— Алина Сергеевна, — начала она, но голос дрогнул. — Григорий Александрович просил передать... вам нельзя здесь находиться. Есть риск утечки данных. Вы угрожаете безопасности компании.

Риск? Мой доступ к серверам был отключен еще вчера ночью. Какая опасность может исходить от женщины, которой запрещают дойти даже до собственного кабинета?

— Мне нужно забрать вещи, — сказала я ровно, чувствуя, как под лопатками скребет холодная ярость. — И поговорить с бухгалтерией. Сверка расходов за прошлый квартал. Формально я всё ещё сотрудник.

Лена отвела взгляд. Она знала. Все знали. Но никто не смел перечить Григорию. Его слово было законом, а его гнев — чумой.

— Бухгалтерия закрыта на ревизию, — прошептала Лена. — Устный приказ CEO. Никого не принимают.

Секретарша уже смотрела мимо меня, встречая курьера. Обычный день продолжался, только для меня здесь больше не было места. Я развернулась, стуча каблуками по мрамору, так, чтобы эхо разносилось по всему этажу. Пусть слышат. Пусть боятся тишины, которая последует за моим уходом.

В лифте пахло дезодорантом и потом. Двери разъехались, и я увидела Дениса. Мой бывший заместитель. Тот, кто должен был знать реальные цифры лучше всех. Он бледнел с каждой секундой, пока мы поднимались на пятый этаж.

— День, — начала я, не глядя на него. Считая этажи. Три. Четыре. Пять.

Он вздрогнул, словно я ударила его током.

— Аля, уходи, — выдохнул он одними губами. Глаза его были красными, воспаленными от недосыпа и страха. — Он сказал, если ты вернешься, он уволит всех, кто с тобой говорил. Подаст иск о клевете. Тебе светит срок, Аля. Не за деньги. За то, что ты пыталась украсть их у себя же.

Двери открылись на пятом этаже. Коридор встретил меня пустотой. Коллеги сидели в переговорках, закрывшись изнутри. Шторы задвинуты. Ни один глаз не посмотрел в мою сторону.

Союзники предали не из злобы. Из животного ужаса перед человеком, который контролировал их ипотеки, кредитные карты и карьерные амбиции. Григорий создал систему, где страх был валютой. И я стала банкротом в этой экономике.

Квартира встретила меня тишиной. Не той уютной тишиной выходного дня, а мертвой, вакуумной тишиной после взрыва. Кот Барсик сидел посреди гостиной, уставившись на пустую миску. Он мякнул жалобно, требовательно. Я насыпала ему корм, руки дрожали так сильно, что крошки рассыпались по ламинату.

Григория дома не было. Из шкафа пропала часть его одежды, но рабочие документы он оставил на столе. Я села за свой домашний ноутбук. Это был мой последний оплот. Старый бэкап рабочих таблиц, синхронизированный с облаком до того, как всё рухнуло. Если я найду расхождения в транзакциях, если покажу, что деньги уходили на счета подставных фирм, связанных с Еленой, это будет доказательство.

Я подключила кабель к роутеру. Экран монитора моргнул. Загрузочное кольцо крутилось бесконечно.

Ошибка сети. MAC-адрес устройства заблокирован.

Григорий не просто сменил пароли. Он физически отрезал мое оборудование от корпоративной инфраструктуры. Он знал, что я буду пытаться залезть туда через личные каналы. Он ждал этого.

Я швырнула мышку об стену. Пластик треснул, осколки разлетелись по ковру. Барсик испуганно спрятался под диван.

И тут экран телефона вспыхнул уведомлением. Не от банка. От системы мониторинга кибербезопасности, которую я сама когда-то настроила для личных целей.

«Попытка входа в личный кабинет пользователя A.Volkova. IP: [офисный адрес]. Время: 14:32».

Время — 14:32. В это время я уже была дома. Григорий забыл одну мелочь: я технарь по духу, даже если сейчас я выглядела как жертва обстоятельств. Он имитировал мои действия, чтобы создать алиби, но оставил цифровой отпечаток. Он действовал с моего рабочего места, используя мой профиль, но ошибся в тайминге. Это была дыра. Маленькая, но сквозная.

Я схватила телефон, набрала номер горячей линии банка. Голос оператора был механическим, бездушным.

— Я хочу восстановить доступ к счетам. Код восстановления не приходит на почту.

— Проверяем данные... — пауза длилась вечность. — Алина Сергеевна, операции по вашему счету заблокированы. В карточке указаны судебный спор и заявление о мошенничестве. Основание ограничения вам разъяснят в отделении; сейчас операции недоступны.

Мошенничество. Даже оператор произнес это слово так, будто я уже виновна. Он не просто хотел развод. Он хотел уничтожить меня юридически. Чтобы я не могла нанять адвоката, не могла оплатить аренду, не могла доказать свою невиновность деньгами. Я записала номер обращения и попросила прислать основание блокировки. Оператор повторил только, что доступ закрыт.

Я вышла на улицу. Воздух был колючим, ноябрьским. Я ехала к метро «Курская», прижимаясь к холодному стеклу вагона. В голове билась одна мысль: кто сможет прочитать эти логи? Кто не боится Григория?

Я вспомнила Сашу. Системный администратор. Тихий, незаметный парень, которого все считали серой мышью. Но я знала: у него был «черный ход» для тестирования нагрузок, лазейка, которую он использовал для своих пет-проектов.

Написала в Telegram. Без звонков. Текст на экране телефона казался приговором.

«Саш, мне нужно посмотреть логи доступа к моему аккаунту за последние 3 месяца. Только не говори никому. Это вопрос жизни и смерти.»

Ответ пришел мгновенно.

«Аля, я удалил все логи. Гриша лично стоял надо мной. Угрозой увольнения и судом. Но... я сделал копию на флешку. Не спрашивай почему. Я тоже боюсь его. Встречаемся у метро "Курская", через час. Один человек. Без телефона.»

Первый живой свидетель. Первый союзник, который выбрал риск вместо комфорта. Надежда проросла сквозь бетон изоляции, тонкая, хрупкая, но живая.

По дороге в парк зазвонил телефон. На экране имя «Гриша». Я взяла трубку.

— Алинчик, — его голос был бархатным, теплым. Тем самым голосом, которым он читал мне сказки на ночь пять лет назад. — Зачем ты бегаешь по офисам? Тебе тяжело. Давай решим всё мирно. Я могу снять обвинения. Прямо сегодня. Подпиши бумаги о передаче своей доли в бизнесе и выплате компенсации за моральный ущерб компании. Мы оформим всё тихо. Ты останешься свободной женщиной.

Я молчала. Слушая, как он дышит в трубке. И вдруг почувствовала запах. Нет, не через трубку, а в памяти. Сандал его геля для душа. Еще вчера этот запах выходил вместе с ним из нашей ванной. Я знала его слишком хорошо, чтобы голос в трубке мог показаться голосом спасителя.

— Ты хочешь, чтобы я согласилась быть виноватой, — сказала я холодно. — Чтобы ты мог спокойно спать.

— Я хочу спасти тебя от тюрьмы, Алина.

— Нет. Ты хочешь, чтобы я исчезла.

Я сбросила звонок. Отказ от «спасения» ценой капитуляции. Я выбирала войну. Холодную, грязную, но честную.

Парк был пуст. Скамейка под кленом скрипнула, когда я села. Через минуту появился Саша. Он оглядывался, как загнанный зверь. В куртке было слишком много карманов, и он нервно тербил край манжеты.

— Держи, — он сунул мне маленькую флешку. Металлический корпус был горячим от его потных рук.

— Что там? — спросила я, пряча пластик в кулак.

— Логи. Переписка. Видео с камер в офисе. Там видно, как Елена входит в кабинет Григория с твоим паспортом в руках. Но это не измена, Аля. Это постановка.

Я подняла глаза. Саша смотрел на меня со смесью жалости и ужаса.

— Гриша показал ей инструкции. Как вести себя с тобой. Какие слова говорить. Как плакать. Он тренировал её, как актрису. Цель была не увести мужа. Цель была вывести тебя из равновесия, сделать тебя агрессивной, чтобы совет директоров проголосовал за твое отстранение от управления проектом. А потом он бы списал убытки на «некомпетентность» бывшего руководителя.

Я прикрыла флешку ладонью. Сашины слова нельзя было потерять вместе с ней. Я не была жертвой страсти. Я не была преданной женой, брошенной ради другой женщины. Я была активом, который нужно было ликвидировать. Григорий не любил Елену. Он использовал её как инструмент газлайтинга. Его «измена» была техническим приемом рейдерского захвата. Боль от предательства сменилась ледяным, стерильным расчетом. Это не драма. Это бизнес-план.

Я смотрела на флешку в своей ладони. Маленький кусок пластика, который весил больше, чем вся моя жизнь, чем весь наш брак, чем все наши общие мечты. Внутри лежали доказательства того, что меня продали конкурентам ради повышения должности.

Григорий наверняка ждал моей ошибки. Он ждал, что я побегу в полицию с этим железным доказательством, не имея юриста, не имея денег на консультацию, не имея поддержки. Он ждал, что я сломаюсь окончательно.

Мне нужен был человек, который сможет прочитать эти данные и не испугается. Человек, которого нет в списках друзей Григория. Человек, который ненавидит таких, как он, всем сердцем. Человек, который умеет находить иголку в стоге сена и делать из неё скальпель.

Я повернула флешку в пальцах, чувствуя её грани. Пора найти специалиста, который сможет проверить Сашину копию. Одних моих подозрений больше не хватало.

Глава 6

В отделении банка я подошла к перегородке вплотную, чувствуя, как под веками пульсирует жилка. Паспорт лежал на стойке перед менеджером — маленькая книжица, которая должна была быть моим ключом от жизни, но стала билетом в ад.

— Мне нужно разблокировать счета, — сказала я. Голос дрогнул, и я заставила себя выдохнуть. — Операции были несанкционированными. Я подавала заявление. Вы обязаны предоставить доступ к архиву транзакций для моего юриста.

Менеджер, симпатичный парень лет двадцати пяти с идеально уложенными волосами, даже не поднял глаз от монитора. Его пальцы продолжали печатать что-то на клавиатуре с ритмичной жестокостью.

— Алина Сергеевна, ваш счет заблокирован по решению суда. Иск подан вашим супругом, Григорием Александровичем, как защита активов компании от мошеннических действий со стороны сотрудника. До окончания разбирательства мы не имеем права...

— Это ложь! — Я хлопнула ладонью по стеклу. Звук получился глухим, нелепым. — Он сам перевел деньги! Я знаю свои пароли!

— Пароли могут быть украдены, — мягко ответил он, наконец посмотрев на меня. В его глазах не было ни капли сомнения, только вежливое презрение к «сумасшедшей». — Пожалуйста, покиньте отделение. Вы мешаете другим клиентам.

Я потребовала старшего менеджера. Потом полицию. Пока ждала участкового, который должен был «зафиксировать факт конфликта», меня вывели охранники. Не грубо, а методично: два здоровяка взяли меня под локти, словно я была пьяной тёткой из соседнего района. Они выпроводили меня на улицу, где пахло выхлопными газами и дождем.

Ветер хлестал по лицу. Я стояла на тротуаре, прижимая сумку к груди, и чувствовала себя абсолютно пустой. Внутри не осталось места для страха. Только звенящая, белая ярость.

Ночевать дома после его угроз я не решилась. Даша впустила меня с ноутбуком и сменной бельём; Барсику я оставила корм до утра. Вернувшись к ней из банка, я включила старый ноутбук. Тот самый, который Григорий считал «пустым» после того, как я якобы потеряла все рабочие данные. Экран мигнул, загружаясь. Я вбила логин корпоративного портала. Access Denied. Система безопасности IT-гиганта мгновенно отправила алерт администратору. Я знала, что там, в серверной, сейчас засветился красный индикатор: «Попытка несанкционированного доступа». Григорий уже читает этот лог.

Я попробовала восстановить пароль через SMS. Телефон в руке завибрировал. Но вместо кода подтверждения на экране высветилось сообщение от оператора: «Услуга временно недоступна. Обращение в поддержку работодателя». Номер телефона был переведен на корпоративный тариф, которым управлял HR-отдел Григория. Коды подтверждения больше не приходили на номер, который семь лет был моим.

Из входящих звонков пришли три уведомления. Коллекторы. Анонимы. Один голос на автоответчике шипел сквозь помехи: «Ты думаешь, ты умная? Ты просто глупая баба, которая полезла не в свое дело». Исходящие были заблокированы. Обычный исходящий вызов не проходил.

Подключившись к домашнему Wi-Fi, я вызвала Дашу через мессенджер. Единственная подруга, которая пока впустила меня. Я еще не рассказала ей всего. Она взяла трубку сразу.

— Алло?

— Даш, слушай внимательно, — прошептала я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Мне нужно подтверждение статуса. Файлы из сейфа. Ты можешь их скинуть?

Тишина длилась две секунды. Потом я услышала сухой, чужой щелчок отбоя.

Через минуту пришло сообщение. Не от Даши. От неизвестного номера, привязанного к её аккаунту в мессенджере: «Мне запрещено общаться с тобой по регламенту. Не звони мне больше».

Я перечитывала это предложение десять раз. Регламент. Социальный круг превратился в токсичный актив. Григорий не просто изолировал меня технически. Он стирал меня из человеческой сети. Для всех я теперь была «проблемой», с которой нельзя иметь дел.

На следующее утро я поехала в офис. Инстинкт проектного менеджера подсказывал: если цифровая стена непробиваема, нужна физическая доказательная база. Копии договоров в личном сейфе.

Лобби нашей компании встречало запахом свежего кофе и дорогих духов. Я направилась к турникету, достав пропуск. Карточка пикнула красным.

— Извините, — охранник, молодой парень в форме, шагнул мне навстречу, блокируя проход. — Ваш доступ аннулирован час назад. Приказ службы безопасности.

— Уберите руки, — процедила я. — Там мои личные вещи. Документы, которые я собирала годами.

— Вы уволены по статье за нарушение NDA и попытку саботажа внутренних систем, — монотонно повторил он, глядя поверх моей головы. — Дальнейшие попытки проникновения будут расценены как уголовное преступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.